

Многогранье всенародной борьбы

Отношения партизан с местным населением

Елена ПАВЛОВА, кандидат
исторических наук

Тема Великой Отечественной войны остается в нашем обществе важным фактором формирования системы интерпретации как прошлого, так и настоящего. Одна из наиболее острых дискуссий разворачивается вокруг проблемы взаимоотношений партизан и местного населения. До начала 1990-х годов многие архивные источники имели гриф «Секретно», а вектор изучения взаимоотношений партизан и населения определялся идеологией. В последние десятилетия некоторые публицисты делают акцент на показе отрицательных явлений в партизанском движении. Взяв за основу весьма сомнительные источники, они пропагандируют идеи, призванные в корне изменить представления граждан о сопротивлении на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 годах. Задача историков – сохранить правду о Великой Отечественной войне в исторической памяти белорусского народа. И сделать это возможно, лишь изучив документы.

При анализе отечественных и зарубежных архивных документов, результатов работы исследователей по данной теме вырисовывается противоречивая картина, не позволяющая дать однозначную оценку. Для понимания сложности ситуации необходимо обозначить факторы, которые стали определяющими в формировании отношений в системе «партизаны – местные жители».

Комбатанты, кто они?

Закрепление правового статуса партизан впервые появилось в Брюссельской декларации 1874 года, когда жителям суверенной страны, оккупированной агрессором, официально было представлено право на народное сопротивление в защиту своего отечества. Гагская конвенция 1899 года позволила населению оккупированных территорий организовывать сопротивление до момента подписания капитуляции своей страной. Однако строгое определение слова комбатанты (в переводе с французского – воины, бойцы, сражающиеся) было сформулировано лишь в 1907 году на 2-й Гагской конференции в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Лишь тогда, после долгих дискуссий, были установлены

критерии, с помощью которых можно отличить комбатантов от других участников вооруженных конфликтов. Исходя из этого, партизаны периода Великой Отечественной войны по своей сути и являлись комбатантами. И если в 1941 году это еще можно было оспаривать, то, начиная с 1942 года, после создания Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) и Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), а также упорядочения структуры партизанских формирований, требования статьи 1 отдела 1 «О воюющих» указанной Конвенции были соблюдены. Согласно нормам международного права, Германия тоже обязана была исполнять эти требования.

С точки зрения философов-экзистенциалистов война является наиболее ярким примером пограничной ситуации – это бытие перед лицом смерти [1, с. 199, 322]. Местное население в силу жестоких законов войны часто находится в эпицентре событий и становится невольной жертвой: с одной стороны – оккупантов и соотечественников, которые по различным причинам служат оккупационной власти, с другой стороны – партизан [2]. Действовавшие в ходе Второй мировой войны международные конвенции данный вопрос четко не регламентировали, так как в истории не было войн с таким

ДА 70-ГОДДЗЯ
ВЫЗВАЛЕННЯ
БЕЛАРУСІ

уровнем противостояния и жестокости со стороны агрессора.

Для терпящих поражение государств партизанская война может иметь большее значение, чем действия регулярных армий. Советское руководство призвало население к организации антигитлеровской борьбы на оккупированной территории. В условиях тотальной войны на уничтожение это был логичный шаг. Советские партизаны, сражаясь против реального противника, развязавшего агрессию в отношении суверенного государства, действовали в соответствии с Конституциями СССР и БССР, обязывающими граждан страны защищать свое Отечество [3, с. 10–15].

Важность сотрудничества участников партизанских формирований с местным населением для успешного выполнения задач доказали российские военные специалисты Н.С. Голицын, Ф.К. Гершельман, В.Н. Клембовский еще в XIX – начале XX века [4, с. 14–27]. С момента появления в военном противостоянии регулярных армий в партизанской борьбе исконно сосуществуют два начала: организованные партизаны-военные и партизаны стихийные – местные жители. Однако нельзя определять партизанское движение как всенародную борьбу в тылу врага и относить всех сочувствующих партизанам граждан к числу участников сопротивления. Специалисты подсчитали, что через несколько лет оккупации из 90 % патриотов 20 % будут вести активную борьбу с противником, 70 % – займут пассивную позицию [4, с. 4–5].

Еще в XIX веке российские разработчики стратегии партизанской борьбы отмечали, что от обычных людей для участия в партизанском движении требуется, прежде всего, любовь к Родине. Признав войну «отечественной», человек соглашается с тезисом, что своя воюющая страна – отечество, и «замораживает» свою память об обидах на военное время, определяя причины, по которым пойдет защищать территорию своего государства [5].

Нельзя согласиться с писателем В. Акудовичем, выдвинувшим идею чужеродности партизанской войны для белорусов [6, с. 66–79]. Не выдерживает никакой критики тезис исследователя С. Захаревича о том, что жители БССР участвовали в активном сопротивлении принудительно, из страха и по причине своей социальной и культурной

◀ Партизаны бригады имени Ленина

невежественности. Как показали события, большинство жителей белорусских территорий, независимо от степени участия в сопротивлении и отношения к советской власти, определили немцев как иноземных захватчиков, с которыми нельзя сотрудничать. В это время только личные убеждения и моральные мотивации могли повлиять на принятие такого решения. За послереволюционные 1920–1930-е годы успело вырасти поколение, верившее в идеалы Страны Советов. Часть жителей БССР сражалась за советскую власть, понимаемую ими как справедливую для простого народа.

ОБ АВТОРЕ

ПАВЛОВА Елена Яковлевна.

Родилась в г. Минске. Окончила историко-архивное отделение исторического факультета Белорусского государственного университета (1998), аспирантуру БГУ (2002).

В 2002–2004 годах работала в отделе военной истории Национального архива Республики Беларусь. С 2004 года – преподаватель кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Кандидат исторических наук (2003).

Автор более 20 научных публикаций по истории партизанского движения, источниковедению Беларуси и музееведению.

Сфера научных интересов: история Второй мировой войны, партизанское движение, источниковедение, архивоведение, музееведение.

Гражданской войны, о которой говорят ряд исследователей и публицистов, на территории БССР в 1941–1944 годах не было. Гражданской войной считается борьба различных политических сил в рамках одного государства и общества за политическое, социально-политическое и социально-экономическое устройство страны. Поскольку противостояние полиции и партизан было частным случаем борьбы двух признанных субъектов международных отношений – Германии и СССР, то войну между ними можно назвать элементом борьбы наций-государств, которая по определению гражданской войны быть не может [7, с. 5–13].

На территории БССР столкнулись интересы трех государств – СССР, Германии и Польши, и каждое правительство отдавало своим формированиям соответствующие директивы. Со второй половины 1943 года стычки советских партизан и польской Армии Крайовой все больше напоминали черты борьбы за власть в отдельно взятых белорусских регионах, входивших ранее в состав Польши. Командиры АК для достижения своих целей входили даже в альянс с немцами [1, с. 298–303; 8, л. 692]. Эти обстоятельства вынуждали местное население «баланси́ровать» между партизанами, аковцами и немецкой администрацией [9, л. 325–326].

На протяжении веков территория Беларуси не раз была оккупирована захватчиками. Если вспомнить Первую мировую войну,

то одной из причин отсутствия партизанских действий со стороны населения было то, что немецкими оккупантами не проводилась политика геноцида в отношении местных жителей. И в начале Великой Отечественной войны, по воспоминаниям гитлеровцев, в Беларуси их порой встречали радостно, так как они несли с собой освобождение от советской системы. Отрицательное отношение жителей оккупированных территорий усилилось с осени 1941 года из-за жестокости захватчиков и их грабительских поборов [8, л. 102; 10, л. 5–7; 11, с. 4–48].

Ставка на террор

В развязанной Германией войне ненависть к большевизму сочеталась с расистским отношением к целому ряду народов [12, с. 1–76]. Лишение «врагов» жизни стало ее главной целью. Директивы руководителей вермахта в отношении мирного населения были однозначны. Большинство жертв – женщины, старики и дети – выби́рались умышленно [11; 13, л. 3–10; 14, л. 62–85; 15; 16]. По мнению немецких исследователей Х. Герлаха и А. Бракеля, антипартизанские акции были направлены именно на геноцид, а не на уничтожение противников. Даже после появления в 1942 году с целью привлечения населения на свою сторону прагматичных указаний фашистского руководства о прекращении массового геноцида под видом борьбы с партизанами, вермахт и войска СС продолжали уничтожение населения [11, с. 178–180]. Соотношение потерь во время проведения немецко-фашистскими оккупантами и полицией антипартизанских акций составляет 1:47 (непосредственно партизаны составляли около 15 % жертв) [15].

Созданные гитлеровцами условия оставляли местному населению оккупированных территорий немного вариантов: сотрудничать с захватчиками, ехать оstarбайтерами в Германию или уйти в лес к партизанам. В отношении выживавших граждан позиция нацистов была жесткой: или сотрудничество с оккупационными властями, или уничтожение их как приверженцев советского строя. Национальным кругам и местной интеллигенции нацисты также не особо доверяли [12, с. 30–83; 17, с. 69–71].

Документы архивов свидетельствуют, что оккупационные власти создавали лже-

▼ Крестьяне деревни Печищи Ганцевичского района передают партизанам продукты

партизанские отряды [13, л. 61; 18, л. 14; 19, л. 7, 61, 84]. Чтобы проверять население на лояльность, немецкие солдаты и полицейские передевались в форму красноармейцев или прикидывались партизанами. Через лжепартизан захватчики пытались скомпрометировать настоящих партизан перед местным населением [19, л. 6]. Имеются сведения о действиях таких подразделений в Барановичской, Брестской, Витебской, Минской и Могилевской областях [3, с. 120–123, 201; 8, л. 66].

С самого начала войны существовали группы, не имевшие какой-либо политической мотивации, которые использовали слабость местных оккупационных властей перед лицом возрастающей угрозы со стороны партизан: они не только забирали у жителей одежду, продукты и другие вещи, но и терроризировали население, имели место случаи насилия [1, с. 296; 8, л. 411]. В 1942 году именно такие действия привели к временному союзу советских партизан и Армии Крайовой с целью уничтожения вооруженных формирований, компрометировавших партизанское движение и сопротивление АК [20, л. 26–27].

Альянс с населением

Партизаны на протяжении всего периода оккупации своими действиями вынуждены были завоевывать поддержку со стороны местных жителей. Формально защита гражданского населения не была прямой задачей партизан. Но, являясь комбатами, партизаны старались обезопасить мирное население, к сожалению, не всегда успешно [21, л. 10–21; 22, л. 29–30 об]. Начиная с 1942 года с партизанами ассоциировалась стабильность [23, л. 43 об.; 24, л. 21–21 об.]. Документы содержат множество примеров, когда они спасали население от карательных экспедиций, угона в Германию, организовывали эвакуацию в советский тыл через Суражские ворота [21, л. 10–21; 25, с. 419–466]. Особого внимания заслуживает деятельность партизан по спасению и обучению детей [26, с. 74–88]. Местные жители обращались к партизанам для улаживания имущественных и других споров.

От партизан требовалось: «обращение с населением должно быть культурным и вежливым»; запрещалось без особого раз-

▲ Комбриг бригады «Железняк» И. Ф. Титков записывает нужды жителей

решения брать одежду и обувь и продукты, ночевать в деревнях [27, л. 23; 28, л. 71]. Командиры должны были проводить повседневную работу с личным составом, фиксировать каждый случай нарушения дисциплины, а к виновным применять меры по закону военного времени. Во главе населенного пункта ставился комендант из числа проверенных партизан. Для комендантов были разработаны инструкции, определяющие круг задач. При надлежащем выполнении ими своих обязанностей и налаживании взаимопонимания с сельчанами в партизанских зонах жилось лучше, чем в регионах, контролируемых оккупантами [29, л. 23; 30, л. 35].

Исследователи отмечают, что «советская власть в подполье» во время войны действовала зачастую более прагматично по сравнению с предвоенным периодом [31, с. 527–537]. Лояльнее строились отношения со служителями церкви, оказывалась помощь в восстановлении храмов. В таких случаях священники становились хорошими пропагандистами [10, л. 6 об]. Более либеральным виделось и будущее колхозов после изгнания врага. Командованием партизанских бригад прилагались усилия, чтобы земля была обработана и засеяна в срок: проводилась разъяснительная работа, оказывалась помощь крестьянам в тягловой силе, не занятые в боевых операциях партизаны организовывались в посевные бригады, при необходимости для охраны людей во время сева устраивались засады на противника [32, л. 74, 82]. Такая тактика

помогала снизить остроту продовольственного обеспечения партизан и добиться лояльности населения [33, л. 107–108; 34].

Партизаны и местные жители объединяли свои усилия для достижения экономических целей, например, при постройке мельниц или домашних мастерских. Население получало медицинскую помощь в том же объеме, что и партизаны. По данным БШПД, за весь период существования партизанского движения медицинская помощь была оказана 135 тыс. человек из числа гражданского населения. Местные жители доставляли для партизанских госпиталей медикаменты и перевязочные материалы [30, л. 35; 35, с. 178–180].

В период оккупации партизаны зачастую снабжали местное население такими труднодоступными во время войны продуктами, как соль, сахар, а также табак, возвращали сельчанам продукты и скот, отобранные врагом. Чтобы крестьяне в глазах оккупантов выглядели как жертвы партизанского нападения и грабежа, им выдавали расписки об изъятии продовольствия и обмундирования [36, с. 385–386]. Для отвлечения от местных жителей угрозы по обвинению в сотрудничестве с партизанами последние специально проводили операции прикрытия [10, л. 134].

Отношения партизан с населением во многом определялись личным составом отрядов и бригад. Все партизанские формирования можно подразделить на местных народных мстителей (повстанцев), дивер-

сантов и разведчиков (профессионалов). В зависимости от изначальной психологической установки по отношению к войне в составе партизанских формирований БССР встречались: «воины по призванию», «воины по долгу» (они обычно составляют 8–12 % военнообязанных и в случае войны уйдут добровольцами защищать страну), «воины по обязанности» (идут на войну по закону о мобилизации) и «вооруженные миротворцы» [37, с. 57–59].

В самом начале вооруженной борьбы в фашистском тылу костяк отрядов и бригад формировался двумя способами: во главе становились местные патриоты – «воины по долгу» или представители армии и силовых структур – профессионалы, «воины по призванию». Без последних «воины по долгу» и «воины по обязанности» вряд ли могли осуществлять эффективные действия [38, с. 30]. Бывшие окруженцы и представители силовых структур зачастую не были местными жителями. Нередко в действиях профессионалов преобладали жесткие методы обращения с людьми, что приводило к конфликтам.

Ряды партизанских формирований пополнялись добровольно и в результате мобилизации. 80 % личного состава в них составляли местные жители, в основном сельчане, вступившие в отряды в 1943–1944 годах [39, л. 8–9, 22–23]. Ожидать более раннего вступления представителей крестьянства, «воинов по долгу» и «воинов по обязанности», в вооруженную борьбу сложно в силу психологии этой социальной группы. Проведение мобилизации было составляющей восстановления государственной власти в партизанских зонах, соответствовало требованию выполнения гражданами конституционных обязанностей и повторяло процесс призыва в армию. Говоря о насильственном проведении мобилизации, исследователи отмечают такие случаи в украинских партизанских формированиях А. Федорова и А. Сабурова в северных районах Полесья летом – осенью 1943 года [38, с. 324–325].

В белорусских архивах и мемуарах партизан автор не нашла свидетельств о включении в отряды, создаваемые в советском тылу для заброски на территорию БССР, лиц с уголовным прошлым. Но в архивах имеются документы о бывших заключенных-уголовниках в рядах партизан. Наличие

▼ Отряд «Мститель»
на марше.
Декабрь 1943 года

таких лиц в партизанской среде создавало опасность повторения преступлений, совершенных ими в мирный период: разбой, грабеж, насилие и т.д. [40, л. 8–9].

Осложнение отношений

Война является обстоятельством чрезвычайным, существенно влияющим на поведение людей: положительные и отрицательные качества личности проявляются в гипертрофированном виде. Действия в тылу врага вызывают к жизни и новые черты характера, которые в военный период формируются в максимально короткий срок. В любом сообществе людей, проживающих рядом, существуют и склоки, и непонимание. Политические, социальные и этнические линии конфликтов, проявившиеся с начала XX века, разрушили лояльность части населения к государствам, в которых они жили. Отголоски довоенных конфликтов, а также проблемы военного периода оказали непосредственное влияние на ситуацию. В годы войны, когда часть населения получила в руки оружие, появился соблазн кардинально решить проблемы. В 1941–1945 годах некоторые использовали это обстоятельство для сведения личных счетов. Изучение документов говорит о том, что в ряде случаев доходило и до обращения к нормам обычного права [38, с. 219]. Немецкие оккупанты всячески поддерживали и использовали такую мотивацию. Жестокая правда войны состоит в том, что противниками иногда оказываются вчерашние соседи и знакомые [20, л. 14–27].

Особым фактором в формировании взаимоотношений населения и партизан стали межнациональные отношения на территории БССР, в большинстве случаев обусловленные особенностями социального и политического развития региона на протяжении предыдущих исторических периодов [1, с. 157–175, 284–314; 17, с. 172–177]. Большинство упоминаемых популяризаторами конфликтов происходило в западной Беларуси. Опыт изучения документальных и мемуарных источников позволяет утверждать, что обострениям способствовали: неоднозначное отношение населения к общественно-политическим и социально-экономическим процессам; недоверие прибывших из советского тыла и восточных районов республики партизанских командиров к местному

▲ Приготовление еды в бригаде 161-й имени Котовского. 1943 год

мужскому населению, а также к бывшим членам Коммунистической партии Западной Беларуси и Коммунистического союза молодежи Западной Беларуси; деятельность прибалтийских полицейских формирований, а по югу республики – формирований Украинского штаба партизанского движения, Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии (ОУН-УПА), Армии Крайовой [41, с. 322–344]. Оккупанты активно использовали последнее обстоятельство в своей пропаганде в западных областях Беларуси, представляя местных партизан как формирования ОУН-УПА [10, л. 527].

Осложняли отношения с местными жителями малозначимые и непродуманные диверсии партизан вблизи населенных пунктов, которые зачастую служили поводом для немецких карательных акций. Совершению таких операций способствовали директивы руководства страны, нацеленного на скорейший разгром противника. Так, приказ Ставки Верховного командования № 0428 от 17 ноября 1941 года предусматривал разрушение и сожжение населенных пунктов в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и 20–30 км влево и вправо от дорог. Эта тактика ведения партизанской войны напрямую ударяла по местным жителям и вызывала справедливый гнев сельского населения [4, с. 159]. Опытные командиры при выборе объекта диверсии обязательно учитывали и безопасность местных жителей [42, л. 140–141].

Отечественные и зарубежные историки, документы не подтверждают тезис ряда публицистов о том, что высшее советское руководство специально с помощью партизан провоцировало гитлеровцев на репрессии против мирного населения с целью облегчения проведения своих зачисток от нежелательного элемента после освобождения этой территории от оккупантов [17, с. 69].

Законодательно-нормативные акты любой страны предусматривают строгие наказания за измену или вред, нанесенный государству и обществу коллаборантами. Российский историк В.И. Боярский приводит следующие результаты вероятностного участия населения в партизанском движении: через несколько лет оккупации 10 % населения станут сотрудничать с оккупантами, причем 3 % – активно, а 70 % займут пассивную выжидательную позицию [4, с. 4–5]. Некоторые действия власти в СССР в 1920–1930-х годах способствовали росту недовольства со стороны простых людей. Поэтому у советских руководителей того периода не было доверия к инициативе граждан даже в таком деле, как защита отечества от захватчиков, чем активно пользовались оккупанты [1, с. 157–175].

Проблема шпионажа в пользу противника стояла очень остро [13, л. 61; 40, л. 10; 43, л. 557, 578, 705–707; 44, л. 89]. Документально подтверждено участие представителей коллаборационистских структур в деятельности германских органов госбезопасности. В установках руково-

дителей партизанской борьбой начального периода войны высказывалось требование уничтожить всех пособников врага. Поэтому полицейские гарнизоны создавали для гражданского населения реальную угрозу стать объектом нападения партизан, как, например, деревни Дразно или Луготовичи [45; 46, л. 66].

Партизаны вели списки тех, кого подозревали в сотрудничестве с оккупационной властью. И хотя информацию об этих людях они получали от своих местных агентов, в ряде случаев происходили ошибки и даже случались трагедии. Однако нельзя говорить о каком-то систематическом терроре со стороны партизан на территории Беларуси, оккупированной немцами. Объем репрессивных акций, которые устраивали советские партизаны, был значительно меньше размаха тех «операций», в которых участвовали полицейские в 1941–1944 годах. Последние повинны в соучастии в Холокосте и геноциде, выявлении и казнях нелояльных немцам мирных жителей, арестах и расстрелах заложников, сожжении «партизанских» деревень вместе с населением или без него, содействии в вывозе в Германию оstarбайтеров [7, с. 5–13]. В 1942 и 1943 годах появились документы, уточняющие и регламентирующие вопросы преследования лиц, состоящих на службе в немецких оккупационных органах, гражданских учреждениях, и членов их семей, имевшие целью уйти от чрезвычайщины и свидетельствовавшие о стремлении ликвидировать ошибки при определении уровня вины того или иного лица. Ближе к завершению войны партизаны стали перевербовывать гитлеровских агентов [19, л. 557, 578; 47, л. 22–23]. Это обстоятельство в определенной мере усложняло отношения с населением: сельчане не знали, в каком статусе находился человек, которого они ранее знали как сотрудника оккупационных служб.

Война не все спешет...

Распространенная в военное время формула «война все спешет», безусловно, не может использоваться для оправдания безнравственных поступков и не снимает ответственности с конкретного человека [37, с. 54–57]. С юридической точки зрения наиболее частыми преступлениями против

▼ Партизаны помогают крестьянам в полевых работах

местного населения являлись грабежи и кражи продовольствия и личного имущества, разбой, хулиганство и насилие [28, л. 14–27; 43, л. 22, 176–180; 48].

При изучении данной проблемы необходимо отличать совершение уголовных преступлений отдельными партизанами от массового явления. На осуществление правосудия оказывали влияние особенности советской системы сталинского периода. Действовавшее в период войны законодательство отличалось расширением сферы уголовно-правового воздействия на нарушителей. Во время войны увеличилось количество нарушений, подлежащих рассмотрению военным трибуналом [49]. Особенности военного времени способствовали тому, что злостные нарушители не всегда надлежащим образом несли наказание (выносился приговор с отсрочкой до конца войны). В ряде случаев проводились публичные суды. За наиболее тяжкие преступления после проведения следствия виновные наказывались вплоть до расстрела [36; 40, л. 8–9; 50]. Всего, по данным БШПД, было расстреляно 2345 партизан, в основном за нарушение присяги, тяжкие уголовные преступления, пьянство, шпионаж [39, л. 18]. Это 0,83 % от общего личного состава белорусских партизан, или в среднем 1 % на отряд [51, с. 77–90; 52].

По каждому случаю подозрения в шпионаже, нарушения дисциплины и совершения уголовно наказуемых действий заводили следственные дела, которые сейчас находятся на хранении в НАРБ и составляют 11,4 % от всего состава партизанских фондов. Обработав весь имеющийся в наличии следственный материал, можно получить объективную картину. Проблема осложняется тем, что, в соответствии с архивным законодательством Республики Беларусь, открытый доступ к документам, содержащим сведения личного характера, возможен лишь через 75 лет после их создания.

Расследованием всех преступлений занимались особые отделы или партизано-дознаватели по поручению командования отряда [40, л. 77–80; 53, л. 4]. Объективность рассмотрения зависела от сочетания профессиональных и личных качеств сотрудников особых отделов и командования партизанского формирования, а также от наличия времени на изучение каждого случая. Архивные документы свидетельству-

▲ Партизаны бригады имени Буденного Пинской области передают корову крестьянам

ют, что порой профессиональные действия при проведении следствия в экстремальных условиях партизанской войны спасали жизни незаслуженно обвиняемым, и наоборот, догматический подход ряда сотрудников особых отделов приводил к не вполне обоснованным суровым приговорам.

Продовольственная проблема

Болезненной во взаимоотношениях местных жителей и народных мстителей была проблема обеспечения последних продовольствием и обмундированием. Если на фронте за это отвечали специальные тыловые части, то советские партизаны практически полностью возложили это бремя на местных жителей. Хозяйственные операции являлись тем аспектом партизанской деятельности, который непосредственно затрагивал население и продолжительно влиял на формирование образа партизан.

Говоря о причинах конфликтов между местным населением и партизанами по вопросу продовольственного обеспечения последних, можно отметить, что в советском тылу вопросы продовольственного снабжения народных мстителей не рассматривались. Отсутствие четких указаний руководства на этот счет приводило к импровизированным решениям партизанских командиров [54, л. 25]. Первоначально партизаны проводили упомянутые реквизиции на территории так называемой госсобственности или у семей, сотрудничавших с

захватчиками, с целью воспрепятствовать регулярному снабжению оккупационных властей [36, с. 383–387; 38, с. 362–363; 44, л. 25; 47, л. 34–35; 54, л. 203]. Позднее были разработаны специальные формы и печати, которые придавали таким требованиям о сдаче продуктов характер реквизиции, что мотивировалось законными потребностями государства. Продовольственные квоты определялись командованием и оглашались на публичных митингах. Главной целью перехода на организованный сбор продовольствия было предотвращение грабежей со стороны недисциплинированных партизан, которых старались за такие нарушения серьезно наказывать [31, с. 527–537; 33, л. 107–108; 42, л. 140–141]. Тем не менее по документам прослеживаются случаи, когда местные жители, несмотря на предварительные договоренности, пытались избежать сдачи продовольствия.

Если хозяйственная операция осуществлялась по приказу командира, то можно говорить о проведении заготовки продовольствия в организационно-значимых целях. В ряде случаев командование партизанских формирований самостоятельно ограничивало объем заготовок, мотивируя такой подход нежеланием грабить население, что могло привести даже к исключению из членов ВКП(б) командира отряда [50, с. 326]. Если изъятие продуктов проводилось самовольно по инициативе отдельных партизан с целью личной наживы и с применением оружия, то эти действия классифицировались как разбой.

Подпольные органы рекомендовали в целях устранения ошибок при проведении заготовок «...ограничить потребление ряда продуктов; партизанским отрядам, расположенным вблизи водоемов, создавать из местного населения рыболовецкие группы для совместного промысла» [55, л. 323]. Во время карательных экспедиций противника партизанам приходилось переходить «на лесной подножный корм» [9, с. 326].

Сложнее дело обстояло в «диких зонах», где продовольствие брали не только народные мстители, но и аковцы, и немцы [36, с. 396; 43, л. 179–180; 47, л. 254]. Анализ архивных документов свидетельствует, что достаточно часто на территории Беларуси проводили свои продуктовые заготовки отряды из соседних регионов РСФСР и УССР без предварительного оповещения действо-

вавших в конкретных регионах партизанских формирований и договоренности с населением. Местные жители вынуждены были обращаться с жалобами к командованию, включая представителей ЦШПД [8, л. 306; 10, л. 96].

Нельзя не остановиться на роли алкоголя в формировании отношений между партизанами и местными жителями. Пьянство отрицательно сказывалось на ведении боевых действий отрядами и соблюдении конспирации [43, л. 176–179; 56, л. 2–3, 214–217 об.; 57]. Под воздействием алкоголя бойцы чаще совершали преступления. Употреблению алкогольных напитков отдельными партизанами способствовали временная боевая бездеятельность, попустительство командования ряда формирований, некоторые действия местных жителей. Однако документы говорят, что оккупанты часто заставляли местных крестьян принуждать партизан к выпивке. Так, осенью 1943 года немецкая администрация давала указания крестьянам производить самогон для спаивания партизан с целью получения разведывательных сведений [8, л. 43]. Вместе с тем партизаны доводили до сведения местного населения, что самогонование и спаивание расценивается как подрывная работа. Изымались самогонные аппараты. Так, в деревнях Липичанской пуши их было изъято 36 штук [58]. Высшее партизанское командование никогда не способствовало пьянству своих подчиненных и постоянно требовало искоренения этого зла. К злостным нарушителям в большинстве случаев применялись жесткие меры наказания, вплоть до высшей.

Подводя итог, необходимо отметить, что сегодня у исследователей есть возможность создать объективную картину сосуществования партизан и местных жителей. Имеющиеся архивные документы содержат примеры как их тесного сотрудничества, так и противостояния. Война заострила проблемы и конфликты, которые существовали на протяжении предыдущих десятилетий и даже столетий. Успехи народных мстителей напрямую зависели от содействия со стороны мирного населения. Большая часть конфликтов имела локальное неполитическое происхождение. Поэтому, чем больше партизаны учитывали законные по-

требности и интересы местных жителей, тем значительнее было их содействие. Не без учета опыта партизанских действий на территории СССР были внесены уточнения в статьи Женевской конвенции 1949 года о комбатантах и военнопленных, связанные с защитой гражданского населения.

Современные зарубежные исследователи подтверждают, что партизанское движе-

ние на территории Беларуси было вершиной сопротивления нацистам на оккупированных ими территориях европейских государств. И если белорусы хотят иметь будущее, то для нашего общества сегодня важно научиться уважать свою историю во всех ее периодах, помнить и ценить тех, кто не пожалел своей жизни, защищая Родину от агрессоров. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціўленне ў Беларусі (1941–1944 г.) / Б. К'яры; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2008. – 390 с.
2. Дын, М. Мікракосм: Халакост, калабарацыя і супраціў у Мірскім раёне / М. Дын // Arche. – 2013. – № 1. – С. 234–272.
3. Попов, А. НКВД и партизанское движение / А. Попов. – М., 2003. – 383 с.
4. Боярский, В. Партизаны и армия: история утерянных возможностей / В. Боярский. – Минск, М., 2001. – 302 с.
5. Кара-Мурза, С. Не допустить перекройки символов / С. Кара-Мурза // Беларуская думка. – 2010. – № 4. – С. 54–59.
6. Акудовіч, В. Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці / В. Акудовіч. – Мінск, 2007. – 239 с.
7. Гогун, А. Родня. Полиция и партизаны. 1941–1944. На примере Украины / А. Гогун, И. Дерейко, А. Кентий. – Киев, 2011. – 576 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 30.
9. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 49.
10. НАРБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 121.
11. Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: документы и материалы / сост. Н. Кириллова, В. Селеменев [и др.]; редкол. В. Адамушко [и др.]. – Минск, М., 2011. – 535 с.
12. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.); 3-е изд. – М., 1985. – 328 с.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 313.
14. НАРБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 120.
15. Рудлінг, П. Навука забіваць. 201-ы батальён ахоўнай паліцыі і гаўптан Р. Шухевіч у Беларусі ў 1942 годзе / П. Рудлінг // Arche. – 2013. – № 1. – С. 65–85.
16. Рудлінг, П. Тэрор і мясцовая калабарацыя ў акупаванай Беларусі: прыклад 118-га батальёна ахоўнай паліцыі / П. Рудлінг // Arche. – 2013. – № 1. – С. 99–148.
17. Бартушка, М. Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг. / М. Бартушка. – Вильнюс, Беласток, 2011. – 187 с.
18. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 2. – Д. 65.
19. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
20. НАРБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 110.
21. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 160.
22. НАРБ. – Фонд 1401. – Оп. 1. – Д. 483.
23. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 184.
24. НАРБ. – Фонд 1401. – Оп. 1. – Д. 206.
25. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков: в 3 т. – Минск, 1983. – Т. 2. – 551 с.
26. Бездзель, В. Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944) / В. Бездзель. – Віцебск, 2013. – 157 с.
27. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 49.
28. НАРБ. – Фонд 3712. – Оп. 1. – Д. 37.
29. НАРБ. – Фонд 1402. – Оп. 1. – Д. 188.
30. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 242.
31. Армстронг, Дж. Советские партизаны во Второй мировой войне / Дж. Армстронг. – Лондон, 1964.
32. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 910.
33. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 289.
34. Беларуский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ). – Фонды. – Инв. № 41364.
35. Тищенко, Е. Медицина партизанских зон / Е. Тищенко // Журнал Гродненского медицинского университета. – 2010. – № 2.
36. Бракель, А. Найбольш небяспечны гнёў сялян... / А. Бракель. – Arche. – 2010. – № 5. – С. 372–402.
37. Сенявская, Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. Сенявская. – М., 1999. – 383 с.
38. Гогун, А. Сталинские командос / А. Гогун. – М., 2008. – 476 с.
39. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 12. – Д. 10.
40. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 138.
41. Касович, А. Особенности антифашистской борьбы в западных областях Беларуси (1941–1944) / А. Касович // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Кн. 1. – Минск, 2010. – 480 с.
42. НАРБ. – Фонд 1402. – Оп. 1. – Д. 178.
43. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 16.
44. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 245, т. 1.
45. Иоффе, Э. Что стоит за трагедией в Дrajно? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jewishfreedom.jimdo.com/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%BE/>. – Дата доступа 30.01.2014.
46. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 255а.
47. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 1716.
48. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 774–826.
49. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 984.
50. Бракель, А. Адносіны паміж савецкімі партызанамі і цывільным насельніцтвам / А. Бракель // Arche. – 2013. – № 1. – С. 304–338.
51. Каваленя, А.А., Калеснікава, А.А. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы ў асяроддзі беларускіх партызан. 1941–1944 гг. / А.А. Каваленя, А.А. Калеснікава // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. навук. арт. – Мінск, 1998.
52. Шаркоў, А.В. Партызанскія судовыя органы на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай айчынай вайны / А. Шаркоў. – Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 5. – С. 18–29.
53. НАРБ. – Фонд 1402. – Оп. 1. – Д. 69.
54. НАРБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 112.
55. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 24.
56. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 484.
57. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 974, 976.
58. БГМИВОВ. – Фонды. – Инв. № 2838.